

## ПОСТУЛАТЫ СТАЛИНСКОЙ «ТЕОРИИ НАЦИИ» В ТРУДАХ Д. ОЛЬДЕРОГГЕ

Категориальный аппарат, который использует в своих исследованиях тот или иной ученый, позволяет вдумчивому читателю судить о его теоретико-методологических воззрениях. Нет необходимости специально доказывать вполне очевидный факт, что именно используемые научные категории, так или иначе определяемые понятия «в снятом виде» содержат мобилизуемую в исследовании теорию. Если, конечно же, в основе научного труда действительно лежит стройная теория, а используемые понятия корректно и непротиворечиво определены автором и используются осознанно.

Терминологический континуум трудов Д. Ольдерогге, помимо прочего, свидетельствует о том, что он отвергал сталинскую «теорию нации». Термины «род», «племя», «народность», «народ», «нация», «национальное государство» используются им достаточно произвольно и вне всякого контекста сталинской догмы. В этом и сильная, и слабая стороны его трудов: с одной стороны, он справедливо игнорировал схоластическую конструкцию И. Сталина, с другой — сам не сумел предложить их убедительные определения.

Рассмотрим некоторые примеры использования хорошо известных терминов в антропологических трудах Д. Ольдерогге.

Так, приступая к главе «Расселение народов Африки» в соответствующем томе серии «Народы мира», он задается риторическим вопросом: «Как же представляется нам древнейшее расселение *народов* (здесь и далее курсив мой. — В.Ф.) Африки?» [Ольдерогге 1954: 66]. Заметим, речь при этом идет о *четвертом тысячелетии до н.э.*! Говоря о *племенах темху* (египетское название неких светлокожих людей, обитавших к западу от Египта), Д. Ольдерогге настаивает на том, что именно они фигурируют в хрониках древнегреческих авторов под названием «ливийцев», и со всей категоричностью объявляет: «Несомненно, что ливийцы были предками современного берберского населения Северной Африки» [Ольдерогге 1954: 66]. (Особенно уместным здесь выглядит слово «несомненно»!) В данном случае Д. Ольдерогге отдает дань эволюционистской теории, при этом маркирует рассматриваемую общность вне

зависимости от стадии ее развития как «народ». Народ у него — это и племена темху, и ливийцы времен Эллады, и современные берберы. Написано это было в начале пятидесятых годов. Нужно отметить, что со временем терминологический арсенал Д. Ольдерогге претерпел немного изменений. В конце жизни он напишет: «Предки берберов — ливийцы и *родственные им народы* населяли все страны Севера материка...» [Ольдерогге 1990: 15]. Ученый считал допустимым писать о «*народах*, говорящих на языках банту, уже во времена восемнадцатой династии Древнего Египта, т.е. за 2500 лет до н.э.» [Ольдерогге 1990: 13]. При этом из контекста совершенно ясно, что термины «народ» и «племя» у Д. Ольдерогге выступают в качестве синонимов: «В Египте не было найдено до сих пор письменных источников, содержащих ценные сведения о языках соседних *народов* <...> Египетские тексты сохранили нам лишь названия отдельных *племен и племенных союзов*, местообитание которых установить трудно» [Ольдерогге 1990: 11].

Описывая ранние периоды истории Африки, Д. Ольдерогге использует для классификации каких-то групп автохтонного или пришлого населения различные *термины, которые в одном случае представляют собой обозначение носителей тех или иных языков, или производные от топонимов названия локальных сообществ, или членов того или иного потестарного сообщества.* (Я сознательно не пишу, в данном случае, о «государственных сообществах», поскольку Д. Ольдерогге полагал, что «многие доколониальные африканские общества, даже те, которые могут быть отнесены к числу наиболее сложных на континенте, не подходили под марксистские критерии государства» [Bondarenko, Роров 2005: 219].) Так, говоря о времени появления лошади в Африке, он упоминает вторгшихся на континент «гиксосов», состоявших из «хурритов» и «семитов» и руководимых «арийцами». Повествуя об оазисе Джерма, автор упоминает о Гараме — «столице государства гарамантов» [Ольдерогге 1954: 63]. Впрочем, в историческом очерке, посвященном этому периоду, Д. Ольдерогге может употреблять и самое нейтральное, не отягощенное никаким доктринальным наследием слово «население». Например, говоря о достижениях автохтонного населения континента, он отмечает, что ко времени появления первых португальских путешественников «почти все население тропической Африки давно употребляло железо». Но при этом уточняет: «Исключение составляли лишь *наиболее отсталые народы*, а именно буш-

мены Южной Африки и пигмеи...». И далее следует уже столь примечательная констатация того факта, что «все остальные народы в той или иной степени были знакомы с употреблением железных орудий» [Ольдерогге 1954: 64]. Таким образом, можно предположить, что к концу XV в. население африканского континента было дифференцировано на некие «народы». Разумеется, никакого определения понятия «народ» мы в анализируемом тексте не находим. И что уж совсем удивительно, после этого пассажа Д. Ольдерогге вдруг уточняет: «Лишь на острове Фернандо-По небольшое племя буби, жившее изолированно от остальных племен банту, еще пользовалось каменными орудиями» [Ольдерогге 1954: 64]. Значит, и племя буби следует интерпретировать как народ, и племена банту (обратим внимание на множественное число!), в которые входило племя буби, также подпадают под термин «народ». Соотношение понятий «племя», «племена» и «народ» в данном случае решительно непонятно! Понятно, что к сталинской концепции «нации» это никакого отношения не имеет, как, впрочем, к какой-нибудь концепции вообще. Увы, Д. Ольдерогге не балует читателя четкими и логически корректными определениями понятий.

Впрочем, в некоторых трудах Д. Ольдерогге мы находим неявные, имплицитные определения, точнее попытки определения некоторых понятий. Так, в своей фундаментальной монографии «Западный Судан в XV–XIX вв.» автор настаивает на «очевидности» того факта, что «многомиллионный народ хауса, имеющий долгую славную историю, никак не может называться племенем» [Ольдерогге 1960: 115]. Отличие «народа» от «племени» состоит в данном случае в количественных характеристиках данного сообщества, в продолжительности и «славности» его истории. К сожалению, считать этот пассаж корректным определением понятия «народ» никак нельзя, как нельзя принять на веру и очевидность того факта, что хауса представляют собой народ, а не племя. Ведь автор не предлагает нам обоснованного количественного барьера, который явно отличал бы племя от народа (понятно, что придумать разумное обоснование такого статистического барьера просто невозможно!), а указание на «историчность», а особенно субъективно-оценочное указание на «славность» интересующей нас общности и вовсе ничего не дают.

В работах Д. Ольдерогге есть и более успешные определения понятия «народ». Так, повествуя о происхождении термина «эт-

нос», ученый пишет о том, что в сочинениях Аристотеля и Лукреция он «обозначал *любые другие народы* в отличие от эллинов. Но в этом термине в их сочинениях не содержалось ничего уничижительного, он просто обозначал *людей других стран, говорящих на других языках*» [Ольдерогге 2005: 28]. В данном случае, конечно же, нельзя отождествлять взгляды самого Д. Ольдерогге со взглядами античных авторов, о которых он повествует. Однако в другом месте, в разделе «Языки и письменность народов Африки» упомянутого уже тома «Народы Африки», он пишет: «Многие народы Африки давно изжили первобытнообщинные отношения с их родоплеменным строем, и теперь в Африке существуют многомиллионные *народы, объединенные общим языком*» [Ольдерогге 1954: 87]. В приведенных цитатах *под народом понимается языковая общность*, и в таком случае по крайней мере понятно, о чем идет речь! Заметим, что здесь Д. Ольдерогге как никогда близок к марксистской (именно к марксистской, а не к сталинско-ленинской!) методологии, поскольку Ф. Энгельс трактовал национальную общность именно как общность языка. (Отметим, что взгляды Д. Ольдерогге на природу первобытного общества в принципе весьма схожи с теоретическими постулатами — по сути эволюционистскими — Ф. Энгельса. Хотя в некоторых аспектах ученый оппонирует «классику», например, критикуя такой «истинно марксистский концепт, как матриархат» [Bondarenko, Popov 2005: 216–217].)

Вообще при внимательном чтении трудов лингвиста (прежде всего!) Д. Ольдерогге складывается ощущение, что именно язык служит для него имманентным признаком тех общностей, которые в разных случаях маркируются им как племенные, национальные или чаще всего как отдельные «народы». Достаточно часто Д. Ольдерогге говорит о «*населении*», «*местном населении*» или «*древних обитателях*» [Ольдерогге 1990: 15, 16, 18] того или иного региона, *говорившем на том или ином языке*. Часто отождествление языковых общностей с «народом» лишь неявно улавливается из контекста, как, например, во фразе: «Население Африки говорит на многих языках и наречиях. Многие из них стали теперь языками многочисленных *народностей и формирующихся наций*, но лингвистическая карта Африки все еще пестрит названиями множества языков» [Ольдерогге 1954: 86]. Здесь фактически лингвистическая карта отождествляется с картой расселения «народностей» и формирующихся «наций». Или в другом месте, где речь идет о том, что

буржуазные лингвисты, дескать, в своих исследованиях стремятся «подчеркнуть наличие огромного числа языков, племен, рисуя неверную картину безнадежной отсталости <...> Постоянные указания на огромное число языков преследуют <...> цель <...> создать впечатление этнического хаоса и беспорядка» [Ольдерогге 1954: 86].

Впрочем, иногда в текстах Д. Ольдерогге можно встретить фрагменты, которые формально противоречат представлениям о фактическом тождестве «народов» и социолингвистических единиц. Например, повествуя о том, что «пигмеи живут в тесном соприкосновении с высокорослым населением, чаще всего с банту», Д. Ольдерогге отмечает, что «все группы пигмеев говорят на языках своих высокорослых соседей» [Ольдерогге 1954: 68]. Значит, язык (по крайней мере в данном случае) не служит критерием для дифференциации отдельных «народов». Это еще раз свидетельствует в пользу предположения о том, что Д. Ольдерогге весьма небрежно относился к терминологическому аппарату своих трудов и не придерживался раз и навсегда принятой классификационной или таксономической схемы.

В каких-то случаях он может отступать от характерной для него трактовки «народа» в качестве лингвистической общности. Например, обосновывая мысль о том, что традиционное искусство Бенина имело глубокие местные корни, автор отмечает, что «оно связано с культурой Йоруба и Нупе, древних государств, существовавших в древнем течении Нигера» и представляет собой свидетельство «высокой культуры народов Нигерии» [Ольдерогге 1954: 65]. Здесь Д. Ольдерогге связывает культуру не с «народами», а с территориально-потестарными общностями, и, возможно, в данном случае он понимает «народ» именно как население государственного образования, как потестарное сообщество.

В другом месте Д. Ольдерогге пишет о том, что в центральной части Африки жили «низкорослые карликовые народы, которых обычно называют пигмеями» [Ольдерогге 1954: 66]. В данном случае он использует этот термин для обозначения неких сообществ, выделяемых им на основе собственных представлений о расе и антропологических признаках. При этом упоминание о пигмейских народах (обратим внимание на множественное число), заставляет предположить, что выделение собственно «народа» происходит по какому-то иному признаку. Сообщая о том, что теперь пигмеи жи-

вуд отдельными разобщенными группами, Д. Ольдерогге называет среди прочих пигмеев бекви, акоа, бабинга, бачва. Что стоит за термином «группа», с каким типом социальной общности мы имеем дело, остается только догадываться. Хотя ниже автор упоминает проживающую на берегах реки Итури «особую группу» пигмеев, «в состав которой входят племена эфе, бамбути-баканго и акка» [Ольдерогге 1954: 67–68]. Что в этой произвольной таксономии является пигмейским «народом» — «особая группа» племен или само племя — не вполне ясно. (Заметим, что точно так же автор пишет и о «передвижении отдельных племен и целых групп банту» [Ольдерогге 1954: 69].)

При этом Д. Ольдерогге чаще всего старается избегать употребления терминов и ограничивается тем, что просто обозначает ту или иную общность неким названием или самоназванием, т.е. употребляет то обозначение, которое в традиции «теории этноса» принято называть «этнонимом», на самом же деле такие «этнонимы» производны от названия родоплеменных образований, языков и диалектов (что, впрочем, чаще всего совпадает).

Итак, Д. Ольдерогге считает возможным маркировать некие социальные группы, объединенные единством языка, терминами «племя», «племенная общность», «народ» в качестве синонимов уже применительно к древнейшему периоду истории африканского континента. Но этим далеко не исчерпываются различия в трактовке родоплеменных сообществ в трудах этого ученого с трактовками оных сообществ, считавшимися в этот период «классическими».

Напомним: И. Сталин настаивал на том, что «нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей» [Сталин 1946: 293]. Неуместным выглядит здесь употребление противительного союза «а». Что значит «исторически сложившаяся»? Вероятно то, что общность складывается на протяжении какого-то исторического периода, иначе говоря, за какое-то более или менее продолжительное время. (Сам И. Сталин поясняет это таким образом: «Всякое историческое явление подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец» [Сталин 1946: 297].) Союз «а» может означать только то, что расе или племени в этом отказано. Кроме того, И. Сталин упрекает О. Бауэра в том, что тот «смешивает нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической» [Сталин 1946: 301]. В контексте представлений об «исторических явлениях» странным

выглядит нежелание считать «племя» исторической категорией. Возможно, И. Сталин дифференцировал категории по их дисциплинарной принадлежности? Но в этом случае следует иметь в виду, что научные категории высокой степени абстракции раскрывают сущность явлений и интерпретируются единообразно во всех социальных науках вне зависимости от того, в предметной области какой из них эта категория оказывается востребованной. Однако очевидно, что племя в сталинской «теории нации» трактуется как примитивная общность, которая не участвует в историческом процессе, не может быть предметом внимания историков, а обречено представлять лишь этнографический интерес.

Д. Ольдерогге хоть и неявно, но достаточно смело оппонирует И. Сталину.

Прежде всего, заметим, что, критикуя «буржуазных ученых», Д. Ольдерогге констатирует, что «народы Африканского континента еще со времен Гегеля признавались *неисторическими народами*, у которых вообще не могло быть никакой истории» [Ольдерогге 1984: 3]. Нет нужды специально писать о том, что африканские «народы» эпохи Г. Гегеля суть племена и племенные союзы. Очевидно, что признание «неисторичности» африканских народов вызывает у нашего автора неприятие. В другом месте он высказывается даже более определенно: «Утратившие по тем или иным причинам возможность вести прежний образ жизни отдельные этнические группы (или их подразделения — чаще всего родовые объединения) в поисках защиты примыкают к другим более значительным по своей численности и соответственно по своему могуществу инородным группам, включаясь в их состав и становясь, таким образом, частью иного племени <...> Словом, племена оказались столь же сложной и столь же изменчивой по своему характеру общественной категорией, что и другие “исторические” объединения» [Ольдерогге 1977: 6–7]. Стоит обратить внимание на то, что слово «исторические» взято в кавычки: здесь и намек на господствующую идеологию, и ирония по отношению к ее автору.

Д. Ольдерогге, как мне кажется, не создал собственной стройной теоретической конструкции дисциплинарного уровня, не предложил сколько-нибудь убедительные определения используемых им терминов. Вероятно, это обусловлено тем, что в сталинскую эпоху любой категориальный аппарат, не соответствующий догматичной «теории нации», мог стать поводом для репрессий в отно-

шении строптивного исследователя. Поэтому даже сам факт отказа от общепринятых тогда интерпретаций можно расценивать как серьезный вклад в отечественную социологию (в широком смысле этого слова).

### **Литература**

*Ольдерогге Д.А.* Древнейшая история коренного населения Африки // Народы Африки. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

*Ольдерогге Д.А.* Языки и письменность народов Африки // Народы Африки. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954.

*Ольдерогге Д.А.* Западный Судан в XV–XIX вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

*Ольдерогге Д.А.* Проблемы этнической истории Африки // Этническая история Африки. Доколониальный период. М.: Наука, 1977.

*Ольдерогге Д.А.* Предисловие // История тропической Африки. М.: Наука, 1984.

*Ольдерогге Д.А.* История изучения африканских языков. М.: Наука, 1990.

*Ольдерогге Д.А.* Этнография Африки. Курс лекций, прочитанный в 1968/1969 году // Д.А. Ольдерогге и современная российская африканистика. Чтения памяти Д.А. Ольдерогге. Т. 5. М.: Наука, 2005.

*Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М.: Политиздат, 1946.

*Bondarenko D.M., Popov V.A.* Dmitri Olderogge and his place in the history of Russian African anthropology // Social Anthropology. 2005. No 13 (2).